

Мэн Цзи не сводил глаз с лица Сюань Тяньшэ. Чеканя каждое слово, он произнес:

— Сестрица Бай Мэн... она мертва.

Сюань Тяньшэ не мог в это поверить. Он переспрашивал снова и снова, словно надеясь, что ослышался. Как она могла погибнуть? Да, её совершенствование уступало его собственным силам или силам Шисюна, но среди учеников Пика Алой Птицы она была одной из лучших. Смерть просто не могла забрать её так легко.

Лицо Сюань Тяньшэ пошло пятнами, гнев мешался с растерянностью. Он качал головой, твердя, что не верит, но пальцы его так яростно впились в ладони, что кожа лопнула и по рукам потекла кровь.

Хань Цзюэ с болью в сердце перехватил его кисти и коротким заклинанием остановил кровотечение.

— Быть может, Мэн-эр использовала какую-то технику отхода? — Сюань Тяньшэ повернулся к Хань Цзюэ. Он прищурился, и в его миндалевидных глазах плескалась затаенная мольба. — Не могла же её душа вот так просто рассеяться, верно?

— Я не знаю, — негромко ответил Хань Цзюэ. У него не поднялась рука окончательно сокрушить его надежду, и он выбрал самый уклончивый ответ.

Но слова Мэн Цзи, прерываемые рыданиями, били наотмашь, прямо в сердце:

— Шифу, пускай Сюэ-яэр удалось сбежать, но я видел всё сам! Сестрица Бай Мэн спасала меня... Она использовала своё тело как последний проводник и взорвала его. Она погибла на моих глазах! Я видел это!

— Цзи-эр, послушай, у каждого человека есть три души и семь земных сущностей, — Сюань Тяньшэ вдруг заговорил непривычно спокойно, принимаясь объяснять мальчику законы мира заклинателей. — Даже если физическая оболочка твоей сестрицы Бай Мэн была уничтожена, её дух должен остаться в этом мире. Она могла бы стать призрачным заклинателем или уйти на перерождение.

Мэн Цзи отчаянно затряс головой:

— Нет, нет! Когда тот злодей сражался с сестрицей, рядом всё время парил дух какой-то женщины. Я не дурак, я сразу понял, что это привидение. Но... но...

— Что «но»?

— Но когда сестрица Бай Мэн погибла, из её тела не вылетела душа. Я так и не увидел её. А потом я слышал, как тот подлец бормотал, мол, у малютки Мэн-эр хватило духа рассеять собственную душу, лишь бы не попасть в его Знамя призыва душ.

Рассеивание души.

Сюань Тяньшэ словно провалился под весенний лед — леденящий ужас мгновенно поднялся от самых пят до макушки. Страшнее слов нельзя было вообразить. Бай Мэн выбрала окончательную смерть — это значило, что она предпочла навсегда исчезнуть из сущего. Больше не было смысла искать её перерождение. Весь её путь оборвался здесь и сейчас.

Сюань Тяньшэ не знал, что чувствовать. В голове билась одна мысль: в этом мире больше нет Бай Мэн. У него больше нет младшей сестры, а у Бай Линя — единственной кровинки. Вспоминая их два столетия знакомства — вечные споры, размолвки и примирения, — он осознал, что Мэн-эр всегда была одной из немногих, кто искренне его любил.

От нахлынувших воспоминаний гнев захлестнул разум, к горлу подкатила горячая волна. Сюань Тяньшэ выплюнул сгусток крови и начал заваливаться назад.

— Сюань Тяньшэ! — вскрикнул Хань Цзюэ, в один шаг оказавшись рядом, чтобы подхватить его.

Сюань Тяньшэ широко распахнул глаза, но в них не осталось ни искры жизни. Губы в мгновение пересохли и побелели, как у мертвеца. Он беспрестанно шептал:

— Как мне теперь смотреть в глаза Шисюну? Как сказать ему, что Мэн-эр больше нет? Всего несколько дней... мне не хватило всего нескольких дней, чтобы спасти её. Это моя вина, всё из-за меня!

— А-Шэ! А-Шэ... — Хань Цзюэ тихо звал его по имени, прижимая к груди и нежно поглаживая по волосам.

Сюань Тяньшэ уткнулся лбом в его плечо. Вскоре Хань Цзюэ почувствовал, как ткань одежды намокает от слез.

Сюань Тяньшэ плакал.

Он всегда был сильным и никогда не использовал слезы как оружие или щит. Хань Цзюэ знал это: даже когда над Сюань Тяньшэ издевались во Вратах Четырех Образов, даже когда его осыпали проклятиями в городе Сюаньвань, он лишь гордо вскидывал подбородок и шел вперед.

Но сейчас он рыдал так горько и безнадежно, как Хань Цзюэ еще никогда не видел.

Сюань Тяньшэ плакал почти беззвучно, стараясь скрыть свою слабость. Даже Мэн Цзи не заметил, что его наставник, спрятав лицо на плече друга, захлебывается слезами. В этом была его гордость — не позволять чужакам видеть свои страдания.

Хань Цзюэ охватило непривычное чувство растерянности. Рожденный змеем, он по природе своей был холоден, а чувства его — поверхностны. Если бы не годы, проведенные рядом с Сюань Тяньшэ, и не память Божественного монарха Ханьлина, он вряд ли смог бы так привязаться к смертному.

Сейчас он не мог до конца постичь, каково это — потерять того, кто был тебе дороже жизни.

Когда Божественный монарх Ханьлин прыгнул на Террасу Казни Бессмертных, Хань Цзюэ ощутил пронзительную боль, но тогда он лишь искал способы спасти его душу от гнева Небес и направить в цикл перерождений. Он знал, что через десять жизней монарх вернет своё величие.

Но горе Сюань Тяньшэ было иным — окончательным и невыносимым.

Хань Цзюэ осторожно погладил его по спине:

— А-Шэ, мы обязательно что-нибудь придумаем. Верь мне.

Лишь спустя долгое время он глухо отозвался:

— М-м.

Сюань Тяньшэ несколько раз потерся лицом об одежду Хань Цзюэ, решив во что бы то ни стало оставить все слезы на его плече, чтобы предстать перед Мэн Цзи с чистым лицом. Хань Цзюэ лишь невольно умильнулся этому жесту. Если это поможет другу хоть немного прийти в себя, он был готов на всё.

Сюань Тяньшэ поднял голову, на его лице застыла натянутая улыбка:

— Цзи-эр, расскажи еще раз. Тот злодей... как он выглядел?

— Шифу, вы... — Мэн Цзи видел, что покрасневшие глаза наставника выдавали его с головой, но стоило ему открыть рот, как Хань Цзюэ оборвал его предостерегающим взглядом.

Мальчик послушно умолк и поспешил ответить:

— Тот человек... кажется, он хотел отобрать у сестрицы Бай Мэн её магический артефакт. В

тот раз она использовала знамя. Оно было около трех чи в длину, белое, с какими-то узорами. Красивое на вид, но от него веяло холодом и чем-то призрачным.

— Значит, и впрямь Знамя призыва душ.

— А веер? Ты забрал его с собой? — спросил Сюань Тяньшэ.

Мэн Цзи кивнул, спрыгнул с кровати и выудил из своего неизменного мешочка сложенный предмет. Это был веер, сплетенный из алых перьев духовной птицы, украшенный несколькими изумрудными перьями из хвоста.

Глазурный перьевого веер Бай Мэн.

— Тот негодяй прибрал к рукам Знамя призыва душ, о котором вы говорили, а на веер и не взглянул. Я подобрал его, пока тот не видел. Сестрица Бай Мэн до последнего не выпускала его из рук... Наверное, она очень его любила?

Сюань Тяньшэ с благоговением принял артефакт. Он поджал губы и тяжело вздохнул:

— Да... Она его обожала. Шисюн несколько дней просидел в засаде, чтобы добыть эти изумрудные перья для неё... Как она могла его не беречь? А теперь... теперь только этот веер и остался.

Хань Цзюэ сочувственно сжал его ладонь. Сюань Тяньшэ ответил ему слабой улыбкой:

— Я в порядке.

Мэн Цзи продолжил:

— Когда сестрица Бай Мэн погибла, тот человек заставил меня проглотить какую-то пилюлю, сказав, что это противоядие. А потом велел поклясться: если кто-то придет искать её, я должен заманить их в Храм Небесной Девы. Тогда-то я и понял, что первый раз он меня обманул — это не был яд. Настоящую отраву он дал мне именно тогда.

— Шифу, скажите правду... я умру? — чистый, исполненный надежды взгляд мальчика полоснул Сюань Тяньшэ по самому сердцу.

— Нет, — отрезал Сюань Тяньшэ. — Я убью его. Добыв противоядие и отомстив за твою сестрицу. Чжоу Сюе не заслуживает права топтать эту землю. Раз он обрек Мэн-эр на рассеивание души, то и сам должен разделить её участь!

Никогда еще в голосе Сюань Тяньшэ не было столько ярости. Жажда крови в его глазах была почти осязаемой, а пальцы, сжимавшие край кровати, заставили дерево жалобно хрустнуть.

Хань Цзюэ едва заметно усмехнулся:

— Хорошо. Но каков наш план?

— Судя по словам Мэн Цзи, Мэн-эр успела ранить Чжоу Сюе перед смертью, — Сюань Тяньшэ задумчиво постучал пальцами по столу. — Цзи-эр, когда именно... когда это случилось?

Ему всё еще было трудно произнести это слово вслух, словно это могло сделать смерть Бай Мэн окончательной истиной.

— Пять дней назад.

— Пять дней? — Сюань Тяньшэ и Хань Цзюэ обменялись быстрыми взглядами. — Значит, как раз в то время, когда нас заперли в деревне Дунцзя?

Хань Цзюэ сразу понял, о чем тот подумал. Сюань Тяньшэ заподозрил Ба Вань в том, что она намеренно удерживала их в призрачном поселении, давая Чжоу Сюе время расправиться с Бай Мэн.

— Но если Ба Вань погибла от рук Чжоу Сюе, с какой стати ей на него работать? — недоумевал Сюань Тяньшэ.

— Теперь уже некого расспрашивать. Даже если Ба Вань и была его пособницей, она унесла эту тайну в могилу, — Хань Цзюэ приподнял бровь. — К тому же, откуда ей было знать, кто мы такие? Ладно Бай Линь, но нас-то она видела впервые. Даже Мэн Цзи узнал нас только по портрету.

— Верно, — подтвердил мальчик. — Я только когда портрет увидел, понял, что вы ищете сестрицу Бай Мэн.

— И всё же, откуда Чжоу Сюе знал, что её придут искать?

— Из-за Лампы души, — пояснил Хань Цзюэ. — Он духовный заклинатель и прекрасно знает, что у каждого из нас есть своя лампа. Как только Бай Мэн погибла, в ордене это поняли. Он ждал здесь, рассчитывая, что на поиски отправится Бай Линь. Он хотел прикончить твоего Шисюна.

Сюань Тяньшэ всё осознал:

— Всё сходится. Чжоу Юаньшуан в своё время из-за Шисюна оказалась в том же положении, что и Мэн-эр — исчезла навсегда. Должно быть, его ненависть к брату стала лишь сильнее. Вот только он не учел, что ноги Шисюна перебиты, и вместо него на поиски отправили меня.

— Как бы он ни изворачивался, — Хань Цзюэ прищурился, и в его взгляде промелькнуло нечто пугающее, — он сам привел себя в этот Храм Небесной Девы. И здесь же, от наших рук, он и расстанется со своей никчемной жизнью.

Услышав это, Сюань Тяньшэ наконец-то искренне улыбнулся:

— Да. Именно так. Пусть на своей шкуре испытает, что значит рассеивание души. Он заплатит за всё.

<http://bllate.org/book/17529/1698508>